

Поскольку дело было позорным, после уничтожения Секты Бескрайнего Меча весь праведный мир молчаливо стирал следы её существования. Чтобы окончательно уничтожить Секту Бескрайнего Меча, они не щадили даже случайных мечников. В итоге сегодняшние мечники страдают от недостатка наследия, слабой боевой мощи и низкого статуса.

Однако в те времена, когда происходили облавы, всё же остались те, кто сумел избежать гибели и запомнил ту кровавую бойню. Счастливым, выжившим в те времена, стал один из слуг-мечников Секты Бескрайнего Меча. Из-за недостатка таланта он не был официальным учеником секты и не имел доступа к высшим техникам мечников, но он смог сохранить начальную технику меча Секты Бескрайнего Меча — «Технику меча лютой стужи», чтобы мир никогда не забывал, что когда-то существовала Секта Бескрайнего Меча.

А наши Скорбные Небеса — это наследник того мечника, который, видя, как мир забывает о силе мечников и наблюдая растущее влияние Высшего Небесного Дворца, воспользовался возможностью и присоединился к его основанию.

Лу Нинчу слушал, застыв.

Скорбные Небеса, Скорбные Небеса — действительно, в этом названии скрывается безграничная ненависть.

Он огляделся вокруг и понял, почему в зале мечников всегда горят бесчисленные светильники.

Это дань памяти бесчисленным предкам.

И вечная кровавая месть Секты Бескрайнего Меча, которая никогда не была забыта.

— Нинчу, — с некоторой виной в голосе произнёс Лу Цинъюэ. — Хотя это и должно было быть сказано тебе рано или поздно, но сейчас, когда я рассказываю тебе это, я накладываю на тебя огромное бремя. Наследие Секты Бескрайнего Меча прервано, и хотя в каждом поколении были выдающиеся ученики, они не смогли оставить наследие, сравнимое с магией или даосскими практиками, чтобы сделать всех мечников сильными и возродить их. Но...

— Я другой, — продолжил Лу Нинчу за Лу Цинъюэ. — Учитель видит во мне надежду, учитель хочет, чтобы я возглавил возрождение мечников, верно?

Нынешний Лу Нинчу, которому всего восемнадцать лет, уже освоил «Технику меча лютой стужи», достиг Золотого ядра и постиг более высокий уровень «Искусства управления мечом». Это уже нельзя описать просто как выдающийся талант — это небесный знак, избранный сын мечников. Если бы кто-то с такими достижениями был магом или даосом, его бы уже провозгласили будущим лидером праведного мира.

Неудивительно, что Лу Цинъюэ возлагает надежды на него, чтобы возродить мечников.

Чувство вины Лу Цинъюэ усилилось. Он опустил глаза, крепко сжав руки на коленях:

— Учитель бесполезен, прожил триста лет, но ничего не достиг.

Великий мечник Скорбных Небес, равный по силе преобразованию духа, как учитель, может лишь надеяться, что его ученик выполнит его чаяния. Как это бесполезно, как позорно.

— Учитель, зачем вы так говорите, — с лёгким раздражением сказал Лу Нинчу. — Если бы не вы, Скорбные Небеса могли бы быть вычеркнуты из списков Высшего Небесного Дворца. Благодаря вам многие люди вдохновляются вступить на Путь меча. Более того, если бы учитель не усыновил меня и не обучал меня, не было бы сегодняшнего Лу Нинчу.

Ему хотелось сказать, что он не так уж велик, как думает Лу Цинъюэ, что его нынешние достижения — это в основном заслуга перерождения, но он не мог этого сказать.

На лице Лу Цинъюэ всё ещё не было просветления. Он печально сказал:

— С твоим талантом, даже если бы ты не следовал Пути меча, а выбрал другой путь, ты бы обязательно выделялся, сиял славой, и путь был бы более гладким. Учитель, ради собственных амбиций, навязал тебе этот путь, это я обрекаю тебя.

Те, о ком говорил Лу Нинчу как о многих, желающих вступить на Путь меча, в основном были теми, у кого не хватало таланта, кто был отвергнут другими путями, но не хотел сдаваться. Если бы у них был выбор, они бы даже не взглянули на Путь меча.

— Учитель, — Лу Нинчу был ещё более раздражён. — Следовать Пути меча — это моё желание. С самого детства, когда дело касалось практики, разве мне нужно было, чтобы вы или старший брат меня подгоняли? В начале практики, когда нужно было делать десять тысяч взмахов мечом в день, разве я когда-нибудь пропускал или жаловался?

— Я люблю Путь меча, даже если бы меня усыновил не учитель, я бы всё равно выбрал его.

Только тогда Лу Цинъюэ проникся.

В детстве Лу Нинчу тоже был озорным, но если он и пропускал занятия, то только те, что касались истории других путей, а все уроки, связанные с Путём меча, он никогда не пропускал. И те ежедневные десять тысяч взмахов мечом, которые другие ученики боялись или не могли выполнить, он всегда делал с особым рвением, приходил раньше времени и продолжал, даже если ладони стирались до крови.

Эти поступки ясно показывали страсть Лу Нинчу к Пути меча.

— Учитель, возрождение Пути меча — это тоже моя мечта. Я тоже хочу, чтобы однажды мечники больше не подвергались пренебрежению. Постигнутое мной «Искусство управления мечом» не требует огромных затрат духовной силы, и все ученики могут его освоить. Я планировал обсудить с вами, стоит ли передавать эту технику всем, после возвращения из Города Цинь. Но внезапное нападение Гу Чунмина не позволило мне скрыть свои способности. — Лу Нинчу поклонился. — Я уже хотел возродить Путь меча, и для меня большая честь, что учитель доверил мне эту задачу.

Лу Цинъюэ был ещё более тронут. Его губы дрожали, прежде чем он произнёс:

— Хороший мальчик...

Но затем он замолчал.

Услышав о гибели Секты Бескрайнего Меча, Лу Нинчу не мог не почувствовать гнев, что уж говорить о Лу Цинъюэ, который хранил это в сердце много лет. Теперь, когда он наконец смог высказать это и увидеть проблеск надежды на возрождение, его эмоции, несомненно, переполняли.

Поэтому Лу Нинчу не торопился, спокойно ожидая.

Через некоторое время Лу Цинъюэ, казалось, наконец успокоился, и на его лице вновь появилось обычное мягкое выражение, хотя в глазах всё ещё оставалась бесконечная радость.

Он сказал:

— Нинчу, ты тоже не должен взваливать всю ответственность за возрождение на себя. То, чего я хочу, не требует, чтобы ты один поддерживал процветание Пути меча. Я уже говорил, что последний патриарх Секты Бескрайнего Меча запечатал горные ворота секты. Хотя праведный мир стёр следы Секты Бескрайнего Меча, он не смог уничтожить её наследие. Как только у нас появится достаточно сил, чтобы защищаться от других путей, мы сможем вновь открыть горные ворота Секты Бескрайнего Меча и вернуть наследие Пути меча, достигшее расцвета десять тысяч лет назад.

С достаточным наследием мечники естественным образом станут сильнее.

Услышав это, Лу Нинчу выразил удивление и спросил:

— Учитель, у вас есть способ открыть горные ворота Секты Бескрайнего Меча?

— Конечно, — в глазах Лу Цинъюэ появилась гордость. — Секта Бескрайнего Меча была настолько могущественной, что даже её слуги-мечники превосходили других. Более того, выживший мечник был подчинённым самого патриарха и даже воспитывал его сына, поэтому

он знал тайны Секты Бескрайнего Меча.

Лу Нинчу вспомнил о смерти Лу Цинъюэ в прошлой жизни.

Он всегда считал, что самоубийство Лу Цинъюэ было странным, а теперь, услышав это, он всё больше убеждался, что смерть Лу Цинъюэ в прошлой жизни определённо была вызвана давлением со стороны Высшего Небесного Дворца!

Причина, конечно же, заключалась в том, что кто-то из Высшего Небесного Дворца узнал о Секте Бескрайнего Меча и о том, что Лу Цинъюэ знал, где запечатаны её горные врата.

Если бы не эта огромная выгода, разве Высший Небесный Дворец стал бы давить на мечника Скорбных Небес, равного по силе преобразованию духа?

— Учитель, — спросил Лу Нинчу. — Вы говорили кому-нибудь ещё о Секте Бескрайнего Меча?

Лу Цинъюэ замер, и на его лице вновь появилась печаль. Он покачал головой и вздохнул:

— До того, как я усыновил тебя, я упоминал об этом твоему старшему брату, ведь хотя у Юньлана и не хватает таланта, он самый усердный и имеет больше всего шансов унаследовать положение мечника. Но ему ещё долго ждать, пока он сможет унаследовать это положение, поэтому я не вдавался в подробности.

Лу Нинчу тоже застыл.

В его сердце возникла абсурдная догадка.

Она была настолько абсурдна, что он инстинктивно отгонял её.

Он подавил свои мысли и перевёл тему:

— Учитель, когда вы в последний раз упоминали о Маленьком Почтенном Меча, о котором говорила Цинсюэ, это как-то связано с Сектой Бескрайнего Меча?

Патриарх Секты Бескрайнего Меча и Маленький Почтенный Меча — звучит так, будто между ними есть связь.

Лу Цинъюэ смотрел на него, и в его глазах всё ещё была гордость и радость, но Лу Нинчу также чувствовал, что Лу Цинъюэ смотрел сквозь него на кого-то более далёкого.

— Маленький Почтенный Меча был величайшей гордостью Секты Бескрайнего Меча до её

гибели.

<http://bllate.org/book/15302/1350294>